

18+

ПЕТАРМОНТИКА

Андрей Белозёров

Андрей Белозёров

Пепармонтика

«Издательские решения»

Белозёров А.

Пепармонтика / А. Белозёров — «Издательские решения»,

Сборник повестей и рассказов. В заглавие книги вынесено название истории про детей отправившихся в путешествие за жвачкой далеко в промышленные районы за городом. Им открывается удивительный неизученный мир. С элементами магического реализма на индустриальных фонах. «Москвы нет» — правдивая повесть полная грустного волшебства, про девушку, которая мечтала попасть в Москву, но последняя надежда рухнула — долгожданный вызов в институт не пришёл. А дальше начинается невесёлое волшебство... Книга содержит нецензурную брань.

© Белозёров А.

© Издательские решения

Содержание

ПЕПАРМОНТИКА	6
МОСКВЫ НЕТ	19
1. Настоящая кабарга	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Пепармонтика

Андрей Белозёров

© Андрей Белозёров, 2026

ISBN 978-5-0071-4599-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕПАРМОНТИКА

Кубик был молочного цвета, с закруглёнными уголками, буква «Р» на боку, толстый и увесистый, как кнопка на пульте из фильма про космические корабли. Или как особенная космическая еда. От одного его вида зубы начинали зудеть. Укусить — кричали зубы. Но Андрей ещё долго перекачивал на ладони волшебный кубик — любовался, запоминал, взвешивал — прежде чем отдаться их зову. И, сминаемый зубами, кубик неожиданно лопнул нектаром, как странная ягода. Нектар ледящей лужей разлился по всем закоулкам рта, обжёг его.

— Ага! — воскликнул Рашид, долго и терпеливо ждавший этого момента, этих округлившихся от удивления глаз. — Ты только не глотай сок, испортишь всё! Жуй, жуй, чтоб впиталось.

И правда, Андрей старательно жевал, а нектар чудесным образом впитывался в резинку, и так до последней капли, и теперь уже сама она была ароматной, охлаждающей. Это решительным образом не походило на все жвачки, что ему доводилось пробовать, обычно и на вид они были как грязные подошвы, и вкус быстро пропадал... И названия у них были совершенно не загадочные: «жевательная резинка», или «кофейный аромат».

А ещё была Pedro с человечком в мексиканской шляпе, звучало это тоже не особо загадочно — английские буквы-то они с Рашидом более-менее знали. Правда, настоящего вкуса Pedro так и не попробовали... Старшеклассники как-то решили посмеяться, завернули в цветастые фантики от Pedro оконную замазку. И дали обоим.

— Жуйте, жуйте! Это вкусно! — а сами стоят, раскрыв рты в предвкушении.

Рашид развернул первый, видимо, почуял подвох, завернул обратно, говорит:

— Я потом, после обеда.

Андрей посмотрел на него.

— Спасибо, да я тоже...

Старшеклассники погрузнели и махнули рукой.

Но после школы, когда уже ни старшеклассники, ни Рашид не видели, — Андрей развернул своего Педро. Серая мягкая плитка — замазка и замазка. Понюхал. Пахнет человеческими руками, пахнет замазкой. Но веру в чудо было уже не остановить, он засунул плитку в рот и, захлёбываясь слюной, стал нажёвывать. Это продолжало быть замазкой, солоноватой от усердных пальцев старшеклассников, — и тогда уж он, конечно, выплюнул её.

А теперь, на скамейке перед подъездом, происходило настоящее чудо, настоящая загадка.

— ПЕПАРМОНТИКА, — прошептал Андрей английские буквы на полупрозрачной упаковке, в которой оставалось ещё три молочных кубика.

Так мог называться мир пришельцев. Так могла называться загадочная жидкость, которую бестелесные демоны используют для обретения плоти. Так мог звучать пароль от двери в их измерение.

Андрей с сожалением отдал упаковку.

— Где взял? — грустно и с завистью спросил он.

— Брат старший. Брат принёс. Он на заводе работает, у них там свой магазин есть.

— Магазин? А далеко? Давай сходим! — оживился Андрей. — А сколько стоит?

— Давай. Я у него дорогу подробно расспросил! Тридцать копеек стоит. Я бы рублей на десять взял, чтоб навсегда хватило. Это за городом завод, но там просто, идёшь по Советской вдоль труб, прямо и прямо. Главное, правильно свернуть... — Рашид, похоже, только и ждал, чтобы кто-то составил ему компанию в неблизком путешествии.

— Ого, я тоже хочу рублей на пять... хотя бы...

— Но надо быстро, все, кто знает, идут туда и берут коробками.

— А сегодня поздно уже?

— Ага... до шести вечера только.

— Ну, зато не разберут. Слушай, а давай завтра утром. Прямо к восьми, самыми первыми будем!

— Давай! Только надо в семь уже выходить... наверное... Или даже пораньше... Далеко идти... я ведь там не был...

— Я тогда в семь у тебя. Только бы денег дали...

В семь утра будет уже совсем светло. Хорошо, что каникулы, хорошо, что лето...

Дедушка разминал папиросу. Торжественно, с предвкушением. Дедушка весь состоял из прибауток. Сядешь есть, а он тебе: «Ешь, пока рот свеж, как завянет — никто не глянет». Или скажешь: «вот», а он — «дали ему год, отсидел двенадцать месяцев, вышел досрочно».

Размял, смачно чиркнул спичкой, попыхал папиросой и сказал приглушённо сквозь дым:

— Пять рублёв. Ну и запросы! Щоб рыбу ести, треба в воду лезти!

Красивые синеватые змеи вились вокруг сухого впалого лица, цеплялись за усищи, заползали в ноздри, выскакивали обратно изо рта и свивались в галактики над головой.

— А кто полку заменит, яку ты сломал? Мать, ты слышала? Пять рублёв! На жвачку!

Появилась бабушка, замахала прихваткой на деда.

— Да не дыми ты на ребёнка. Вон света белого не видно.

А свет как раз и видно, его толстые лучи, окрашенные дымом, расчертили всю кухню.

— Да я в форточку, в форточку... — присмирел дед.

— Что случилось, зачем пять рублей? — спросила бабушка.

— На жвачку, она особенная, у неё вкус не проходит, — жалобно ответил Андрей. — Её продают только в одном магазине. Продадут, и всё. И не будет больше, может, даже никогда.

— А полка? Полка не чинена! — опять заладил дед.

Андрей почувствовал, как в груди надувается огромный красный шар. Шар стеснил горло, сбил дыхание, выжал слёзы.

— Да как я её почию! — отчаянно и возмущённо воскликнул Андрей. — Она же стеклянная. Лыжи на помойке сломанные стоят, вот их принесу сейчас, такая будет полка!

Андрею самому стало страшно от этого взорвавшегося шара. Никогда он так не повышал на дедушку голос. Но дедушка неожиданно запрокинул голову, его усы сотрясались от громкого долгого смеха.

— Ой не могу, держите мене семеро! Ой, бедолага, ха-ха-ха, зламани лыжи.

У деда тоже выступили слёзы, но от смеха, он качал головой и тёр глаз костлявой рукой с папиросиной между пальцев. Андрей удивлённо смотрел.

— Ну, дай, мать, дай, — мягко сказал дед. И строго добавил: — Но три, не больше!

И погрозил жёлтым ногтем указательного пальца.

Андрей спал в зале, на диване. Над диваном покачивали маятником ходики. Гулко и усыпляюще тикали. Иногда в глубине деревянного корпуса шелестело и похрустывало. Если бывало вдруг страшно и тёмные формы рисовались по углам, — это биение жизни в деревянной груди отгоняло всякую нечисть. Здесь жизнь, здесь жизнь, здесь бьётся сердце, — шелестели ходики, — здесь не место страшной тишине. А Андрей вжимался в спинку дивана и чувствовал себя в норе — возможно, барсучьей норе, заботливо выстланной, соломой, например. И такой сладкий уют, такая вязкая нега делалась с ним от осознания, что там, за... — и космический холод и лютые хищники, порождённые тьмой... А здесь — тук-тук, тук-тук. И никакой опасности нет. Такая — щекочущая в затылке — нега, словно нити оттуда тянулись, словно кто-то осторожно ворошил волосы... Наслаждение и восхищение.

Но сегодня он долго не мог уснуть. Стоило закрыть веки — ПЕПАРМОНТИКА — светилось рассеянным светом под ними. И молочно-белые кубы с буквой «Р» переворачивались

с боку на бок. И как славно, что дедушка внезапно рассмеялся, и три рубля были пообещаны. ПЕПАРМОНТИКА — завтра ждёт путешествие с самого утра.

Жвачка была, собственно, здесь же — прилеплена на подлокотник дивана в изголовье. Андрей представлял себя владельцем этого бесконечного богатства: он достаёт необычные кубики, никем не виданные, ловит завистливые взгляды, угощает одноклассника, следит за округлившимися глазами...

Ближе к утру, когда часть неба из чёрного подёрнулась серебром, а тюль перед приоткрывшейся на балкон дверью шевельнул утренний холодок, Андрей встал и прошлёпал босыми ногами туда, к двери, навстречу низкому гулу. И потом скользнул на балкон.

Второй этаж, балкон выходил на противоположную от подъездов сторону, заросшую деревьями. Их сплетённые ветви волновались, обменивались скрипучими рукопожатиями. Они маячили перед самым лицом. Ветер, словно могучая рыба в море, шумел высоко-высоко, лишь краешком многочисленных плавников задевая их. Приглашая Андрея. Мурашки бежали от затылка — по плечам, по рукам, волнами, снова и снова. Холод и тайна. Страх и удовольствие.

Андрей забрался на тумбочку с цветами, с неё — одной ногой на деревянные шершавые от облупившейся краски перила — было уже не так страшно, как тогда, в самый первый раз. Посмотрел вверх, где ветер качает далёкие кроны тополей, и вперёд, в просвет между ними: на силуэт огромного, как гора, мукомольного комбината с высокой прямоугольной башней и восемь огромными цилиндрами, стоящими в ряд. О, как он гудел, — низко, волнуяще, загадочно, — как ходил над ним ветер в посеребрённой черноте неба, как вскрывала острым шпилем башня со светящимися искорками окон — его ветреное брюхо.

Тело, свободное от одежд и недавнего тёплого одеяла, жадным парусом вбирало шумное сырое движение тёмных пространств, а в ступни так резко впивалось шершавое, колкое — покорная уязвимость и звериная нагая свобода владели Андреем. Но главная сила — этот гул, промышленный и природный, эти силуэты огромного, угловатого, окаймлённые серебряным светом, — они тянули из него жилы, сбивали ритм сердца, казалось, — до полной остановки. Они наполняли Андрея внутренней щекоткой, словно это щекоталась душа в попытке вырваться. А щекотка, выходя на поверхность кожи, словно пузырьки газа, — превращалась в мурашки.

Покачнуться от ветра и упасть, покачнуться и полететь... Отдаться волнам... Дело было за малым — перенести левую ногу на перила и оттолкнуться от берега. И потом сквозь касанья трепетной листвы, дальше, увернувшись от провода, дальше, минуя гаражи, минуя дедушкин гараж с мотоциклом... бабушкин детдом, где она была очень уважаемой воспитательницей... дальше... к гудящей громадине, к гудкам поездов, трамтамтатам — раскроит горизонт — от уха до уха — грохот резко сдвинувшегося с места железнодорожного состава... и ещё дальше, подгоняемый этим звуком, вдоль железной дороги, мимо очередного промышленного исполина... и мир истончается, становится зыбким... что же там дальше... густые туманы, в них всё ещё пунктиром проблёскивают рельсы, — всё реже и реже, всё ещё выплывают смутные кубы и пирамиды недостроенного мира, а вокруг них вьются вихри первозданного хаоса...

Бабушка разбудила его в полседьмого. Он просыпался долго, с неохотой и гнетущим ощущением, а потом подпрыгнул — ему ведь не в школу, ему ведь ПЕПАРМОНТИКА!

Школу он не любил, эти ранние подъёмы, эта зябкость, каждая отсроченная минутка, проведённая под одеялом, обсасывалась до косточки, превращалась в целое приключенческое сновидение, а потом бабушка опять проходила мимо, всё навязчивей отнимала одеяло. И он тащился, как бурлак, в ванную, где открывал тёплую воду, сам садился на край ванны и скла-

дывал руки в раковину, прижав ладошкой сток. Тёплая вода умиротворённо журчала, обнимала его руки и плечи, и он всё дремал и длил эту негу, отказываясь принять неизбежное.

Конечно, сегодня он даже не вспомнил об этой процедуре. Наспех чистил зубы, торопливо, как ему казалось, ел, но всё равно уже опаздывал...

Друзьями они стали по распоряжению бабушки, всё-таки бабушка молодец и не зря почётный воспитатель. Рашид жил в соседнем доме, и первого сентября, после праздничной линейки, бабушка признала в Рашиде и его маме соседей. Подвела Андрея за руку, взяла руку Рашида и соединила их.

— Вот, теперь будете дружить и вместе в школу ходить.

Так они и пошли — немного муляшны: Андрей — крупный, упитанный, медлительный, Рашид — на голову меньше, юркий и тощий. Ёжик и Медвежонок.

Успели закончить два класса, дружили и после уроков. Кидались камнями друг в друга летом и снежками зимой. Взрослые ругались — глаза повыбьете! Но это же война, а пуль у них не было — только камни. Попадали примерно поровну: Андрей был более удобной мишенью, а у Рашида плохое зрение — и никому не обидно. Идеальная дружба.

— Ты где пропал? — Рашид уже сидел на лавке у его подъезда. — Я ждал, ждал... — Он вскочил с лавки, а в руках его повисла авоська с большим термосом и газетными свёртками. — Двадцать минут восьмого уже!

— Странно... Только что было ровно семь. Будильник, может, отстаёт? — развёл руками Андрей.

Он уже набрал в лёгкие воздуха для вдохновенного вранья, но Рашид махнул рукой.

— Пошли скорей!

И они пошли — ёжик и медвежонок. Термос звякал по коленке Рашида, и этот звук гулко разлетался по пустой улице, в сыром воздухе под пасмурным небом. Он и подстрижен был соответствующе: короткий чёрный жёсткий волос торчал ёжиком.

— Нам всё время на запад, — сказал Рашид, — пока солнце за спиной, идём правильно.

Андрей обернулся. Солнца там не было, сквозь тяжёлые голубовато-стальные облака едва пробивались полосы цвета незрелого абрикоса. Вот и всё солнце.

— Только дождя нам не хватало... — вздохнул он. — А что это ты тащишь? Еду?

— Да-а, папа сказал, без еды непустит, и чтобы мы обязательно всё съели.

— Он хочет откормить тебя, — пошутил Андрей.

— Да-а, чтобы я стал толстым, как ты. Он так и сказал.

— Неправда! Я не толстый. Он не мог так сказать!

Папа у Рашида человек приличный, милиционер, Андрей представить не мог, что милиционер способен обидеть ребёнка, даже словом и даже заочно. Он всегда казался Андрею добрым, словно это его папа...

— Ну, он сказал просто, «как ты». А ты — толстый, — засмеялся Рашид.

Андрей почувствовал облегчение и тоже засмеялся.

— Пока толстый сохнет, худой сдохнет, — заключил он.

Спасибо деду за прибаутки...

Они шли мимо пятиэтажек, мимо газгольдера, выкрашенного потемневшей серебряной краской. Взрослые наотрез запрещали подходить к сооружению, перелезать через невысокую оградку, тем более там спички жечь — «надышишься газом», «взорвёшься». Красная табличка «огнеопасно» тоже запрещала. И они послушно этого не делали. Только поглазеют, поведут носами — пахнет газом. Опасностью. За оградой из земли торчали четыре башенки с рядом круглых прорезей, но Андрей знал, всё самое интересное и огнеопасное зарыто под землёй, и щупальца труб, где-то там, под ногами, расползаются во все стороны к пятиэтажкам.

Потом пятиэтажки кончились. Потом была тропинка среди высоких деревьев, в которых прятались двухэтажные бараки. Темно и сыро. И на бельевых верёвках скучали сырые тряпки.

И наконец, улица Советская — просторище и свет. Две толстенные трубы в серебристой фольге шли вдоль неё и указывали путь. Друзья поспешили к трубам, к пешеходному мостику через них, взбежали по лесенке и осмотрелись.

Мукомольный завод во всём своём величии, не заслонённый более деревьями, возвышался слева, едва различимый человечек семенил там в небе, над могучими серыми баками из одной дверочки в другую. По правую руку гнездились чёрные сырые бараки — они были как чемоданы, у которых в спешке распахнулись крышки и выпало всё исподнее. Старые ковры, уличные туалеты, сломанные велосипеды, колонка с водой в большой луже, раскисший диван и клумбочка с топинамбурами, — всё это вывалилось во дворы бараков. А прямо — широкая асфальтированная дорога и две трубы.

Трубы ползли вдаль, в направлении ТЭЦ, ползли и ползли, дружно извивались вместе с дорогой — там, на краю мира, стояло несколько гигантских перевёрнутых вёдер, и из двух выплывали белые облака. Выплывали и сливались с облаками на небе. Завод по производству облаков...

— Ты был там? — спросил Андрей.

Они стояли на пешеходном мостике, как на мостике корабля, как два капитана, то придерживались за перила, то прикладывали руки козырьком ко лбу.

— Нееее... — ответил Рашид, подслеповато щурясь вдаль, — я и здесь-то не был.

Два капитана, два первооткрывателя... Школа была в противоположной стороне, в эту сторону их мир не рос...

— Я тоже не был... но трубы есть, заблудиться мы не сможем.

— Дааа, и солнце за спиной.

— Далось тебе это солнце, трубы вернее, если что, по ним и вернёмся.

— Тогда давай по ним и пойдём? — оживился Рашид.

Они поднырнули под перила и каждому досталось по трубе.

До земли было метра полтора с гаком. Сначала осторожно, похрустывая серебристой обмоткой, потом быстрее, перебирали они ногами. Андрей отставал от более шустрого друга.

— Она продавливается... — отметил Андрей, — нас не заругают?

— У меня не продавливается, — сказал Рашид, — потому что я не толстый. Да не бойсь... она и так вся мятая.

Это было правдой, а местами даже не просто мятая, но и рваные прорехи попадались с клочками стекловаты, торчащими наружу. Стекловаты они боялись как огня — учёные.

Справа закончились бараки. Теперь там был просто пустырь, а поодаль тянулись какие-то бетонные заборы, ангары с большими красными воротами...

Андрей отставал всё сильнее — нужно было смотреть под ноги, на трубу, а взгляд всё тянуло и тянуло к горизонту. Это походило на неспешный полёт — обочина дороги, кусты проплывали внизу. Мир, послушный взгляду, рос, услужливо раскатывал свои ковры. На горизонте сквозь толщи воздуха вырисовывались голубовато-серые перевёрнутые вёдра. За ними — плавная синяя полоска пологих гор. А в небе, подпитываемая белыми струйками из вёдер, набухала ещё одна полоса — фиолетовая и размытая книзу.

ПЕПАРМОНТИКА — конечно, он жевал её прямо сейчас, это было залогом удачного путешествия. ПЕПАРМОНТИКА — её вкус до сих пор был здесь, да, поблёк, но... на сколько дней его ещё хватит? А когда он купит десять пачек на три рубля? А в каждой пачке... он даже не знал, сколько в каждой пачке, — он видел четыре в початой...

Мама приходила по субботам или воскресеньям. Он ждал этих дней. Мама. Мягкое, нежное, тёплое, округлое. Дед с бабушкой, напротив, костлявые, сухие, строгие. Вроде и неплохо с ними жилось, но всё в них какое-то неродное. Отцовское.

Когда она уходила опять на бесконечную неделю, заполненную школой, отметками в дневнике, ранцем с учебниками, утренними обрядами в раковине, он не понимал, как это пережить, — ещё одну бесконечность чужого, тянул и тянул руки, отрицая неизбежное. А у мамы от вида тянущихся к ней рук блестели глаза, украдкой она их вытирала...

— Ну? — Рашид нетерпеливо ждал, когда Андрей его нагонит, постукивая острой коленкой по термосу.

— Баранки гну, — пробурчал Андрей, опять спасибо деду.

— Я вот думаю, что в этих трубах? Вода или газ? — спросил Рашид, семена своими короткими ножками, но неуклонно опять вырываясь вперёд.

— Газ. Сильно не топай, а то взорвёмся! Видишь, я осторожно иду.

— Да ну... врешь... — сказал Рашид, но скорость замедлил, — газом воняло бы.

— Ну их вон как завернули старательно. — Андрей кивнул на свою трубу.

Рашид помолчал, подумал.

— Враньё. Таблички бы были. Табличек нету.

— Ну, значит, не газ, — заулыбался Андрей, — газ, он там, — широко и неопределённо махнув рукой назад и вправо, — на базе сжиженного газа. Вот где газом воняет так воняет, хоть за сто метров.

Он видел эту базу, когда ходил с бабушкой на дачу, — лабиринты из труб и баков стоячих и лежащих, всё выкрашено серебряной краской. Но это если подойти и присмотреться. Сама база пряталась в роще, а рядом был большой соблазнительный пруд. Но бабушка не пустила купаться, сказала, что пруд не для этого. База секретная — смекнул Андрей, — чтобы враги не нашли её и не взорвали.

— Тпрру, приехали!

Трубы резко занывивали под землю, уступая проходящим поперёк железнодорожным путям, выныривали по ту сторону и невозмутимо продолжали тянуться вдоль автомобильной дороги.

До земли было не больше полутора метров.

— Давай сумку, — сказал Андрей.

Он подержал её, пока Рашид спрыгнул, передал и спрыгнул сам. Не устоял и упал на четвереньки, царапая ладони колючим щебнем.

— Худой сдохнет, говоришь?

— Смейся, смейся, — Андрей отряхнул ладони от впившихся мелких камней, отряхнул коленки, — в следующий раз я на тебя спрыгну, вот и проверим!

Он осмотрелся. Железнодорожные пути уходили в проулок между двух бетонных заборов, заросших по обе стороны деревьями. Что делали на этих предприятиях?

— А нам не сюда? Поворот же...

— Неа, — уверенно ответил Рашид, — дорога должна быть земляная. Точно не железная. И трубы должны над ней буквой «П» стоять. А ещё там сразу за ней знак пешеходного перехода.

Они пересекли железную дорогу.

— Снова лезем на трубы?

— Лезем.

Теперь трубы выныривали гораздо ближе к земле, на уровне живота, наши путешественники забрались на них по ближайшей бетонной опоре и потопали дальше. Трубы прорезали лесок, кое-где приходилось даже продираться сквозь спутанные ветви.

Приключение на трубах становилось всё интереснее.

— Мы как в джунглях, — воскликнул Рашид, отмахиваясь свободной рукой от веток.

— А сойдёшь с трубы — пропадёшь, — подхватил Андрей.

— Болота?

— И крокодилы... а кусты всё гуще и гуще...

Да, становилось темней и прохладней. Две путеводные трубы блестели в высокой траве. Под аркой из косматых вязов.

— Можно бросить им бутерброд с салом, чтоб отстали, — предложил Рашид.

— Крокодилам? Тогда сами умрём от голода. — Сказав так, Андрей вдруг понял, как сильно хочет этот бутерброд с салом.

Нет, совсем неплохо ему жилось с бабушкой и дедом. На Новый год обязательно ёлка, гирлянда мигала. Дед выносил бумажный конусообразный кулёк, разрисованный под огромную морковку, и говорил, что это от Зайчика, Зайчик передал. Андрей представлял большого белого зайца с зимней открытки. Судя по размеру морковки, заяц был с собаку — вот бы обнять такое пуховое белое чудо. И, конечно, просил познакомить его с этим зайцем.

— В следующий раз обязательно, — важным тоном заявлял дед.

А бабушка приносила игрушки с работы. Какие-то на время — большой красный экскаватор, крутишь ручку — ковш двигается. Весь экскаватор завистливо перещупан, пальцы носят память о резиновых гусеницах и миниатюрных окошках. Так трудно было его отдавать назад... А какие-то — навсегда. Два резиновых котёнка в штанишках. Андрей назвал их Васька и Мурзик — два неразлучных друга. Отличались они тем, что один был более блёкло окрашен, а у второго Андрей отгрыз кончик уха. По всем полям постельным и городам сервантов они гуляли всегда вдвоём. Два исследователя, два археолога. Это под их бравой поступью вдруг лопнула стеклянная книжная полка в загадочном храме...

— Буква пэ есть.

Они вырвались из джунглей. Прошли ещё немного и упёрлись в эту букву «П» — трубы изгибались прямоугольными воротами над грунтовой дорогой, отходящей вправо от шоссе.

— А знака не видно... — Рашид ходил по обочине шоссе и высматривал знак.

— Буква пэ есть. Поворот есть, — развёл руками Андрей.

Рашид почесал свой ёжик на голове и кивнул.

— Давай свернём.

И они свернули. Куда вела эта дорога? К какому-то длинному зданию без окон, к какой-то странной белой горе с одной его стороны и пристроенной конторе — с другой. Бетонный забор закрывал всё, что внизу, — а там, внизу, вполне мог быть и магазин.

Железные ворота, их покосившиеся створки были нараспашку, ещё и крючками из толстой проволоки цеплялись к забору, чтобы не закрыться. Впереди — квадратное молочное озеро, из земли торчала труба, и молоко текло в озеро. А за озером — гора с четырёхэтажный дом, гора из белых, розовых, полосатых кубов. Каждый куб с бабушкину кухню.

Кубы стояли пирамидой, многие были небрежно брошены возле подножья, словно рукой титана, игравшего в кости. Лабиринты из этих кубов ждали их сразу за озером, по обе стороны от земляной дороги, развороченной большими колёсами. Они подошли к ближайшему кубу и стали его шупать. Поверхность была где-то ровная, а где-то испещрённая странными бороздами, похожими на рябь от брошенного в воду камня. Все они, то там, то там, в этих застывших полукружьях и спиралях. Кубы с края мира, кубы-заготовки. Завтра их обтешет заботливая рука и, возможно, получится — вяз, бабушкина кухня, сломанный велосипед...

— Огогооо... — только и сказал Рашид.

Они шли по лабиринту. И всё громче доносился шум моторов, визг металла, целая симфония из разных по тембру визгов.

— Давай вернёмся, нет тут никакого магазина.

Андрей не ответил и заворожёно шёл вперёд. Каменные стены расступились, и вот фиолетовое небо, жирно перечёркнутое жёлтой стрелой крана, ослепительные кубы вокруг. «Пепармонтика», — прошептал Андрей.

За кубами возвышалось серое здание без окон, но с воротами, через которые можно легко заехать на тепловозе. Туда вели рельсы, расставленные между собой необычайно широко. Кругом были лужи в молочных разводах. И безумный визг нарастал с каждым шагом, высверливая перепонки. Рашид что-то пытался сказать, но...

Они увидели куб на платформе, стоящей на рельсах, и две дисковые пилы вгрызались в него, та, что установлена вертикально, — в два Андреевых роста размером. Бешеная струя воды и звука вырывалась из-под неё. Андрей понял, что друг толкает его в плечо.

— Открой рот! Оглохнешь! Кровь из ушей пойдёт! — прокричал тот в самое ухо.

Но Андрей уже и так инстинктивно открыл рот.

Высоко, на уровне верхушки куба, за пультом сидел человек в больших наушниках, в очках, как у пловца, и управлял движением пил. Они обошли эту чудовищную машину на четырёх столбах с противоположной стороны, чтобы человек их не увидел — невольно втянувшие головы в плечи и оглушённые, — и перед ними открылся цех больше любого школьного спортзала, больше самой школы. Здесь стояли вереницами станки и пилили каменные доски — вдоль, поперёк; каменные доски ползли по роликам из одного станка в другой, мокрые, гладкие, яркие, они выползали из длинного станка, под кожухом которого гудело десять моторов в ряд.

Визг большого, самого громкого станка прекратился — пилы отгрызли длинный брусок и пошли на новый заход.

— Эй там, на ортогональном, иди перекури уже, задрал всех, — крикнул худой, щетинистый, похожий на цыгана, тому, кто наверху за пультом, — видишь, завал тут!

И сверкнул золотыми коронками. Второй, рядом, что-то крутил ключом под откинутым кожухом, согласно усмехнулся.

— Загонит до смерти... Да он тебя не слышит ни хрена.

— Э! — цыган замахал, тому, кто за пультом, показывая крест руками. — Харэ, ёптвою в душу.

Вдруг что-то грохнуло по кожуху длинного станка.

— Андрюха! Пятую подними, абразив вылетел! — закричал один другому, по ту сторону длинного станка.

Этих двоих Андрей не видел. Но вздрогнул, услышав своё имя.

Они пошли дальше, хлюпая сандалиями по белым лужам. Впереди всё было заставлено толстыми полированными плитами в серую крапинку. Они лавировали между плитами, пока не наткнулись на мужичка в синей робе и с сигареткой, прилипшей к губе. Мужичок сидел спиной возле одной из плит, жидкие длинные волосы стекали по воротнику. Он дробно стучал металлическим карандашом по тёмной плите. Портрет прекрасной белокурой девушки был там, в светящемся ореоле, большие глаза уголками по-доброму вниз, чёлка и ободок в волосах, белоснежная улыбка и ямочка на подбородке, металлическая игла била ей в щёку.

Пепел с сигаретки упал на девушку. Мужичок смахнул и обернулся, вопросительно растопорщив на друзей седую бородёнку.

— Мы в магазин, — громко сказал Рашид, — за жевачкой!

Мужичок понимающе кивнул.

— Не подскажите, где у вас магазин?

Мужичок снова кивнул, но теперь на портрет.

— Красивая, да?

Друзья не нашлись, что ответить, а мужичок с невозмутимой и блаженной, как у его девушки, улыбкой вернулся к работе. Отошли от него.

— Может, пьяный? — сказал на ухо Андрей.

— Или глухой! — крикнул Рашид.

— Точно, оглох здесь! Посмотри, у меня ещё кровь из ушей не идёт?

— Ещё нет!

Внезапно навстречу поплыл большой ящик на стальных стропях. Они растерянно отступили, но ящик резко остановился.

Парень лет двадцати пяти таращился из-за ящика. В солдатских сапогах, плечистый, с пультом на толстом проводе в руке и с наушниками, спущенными на шею. Ящик опасно качался.

— Пацаны... Вы какого тут... Кран-балкой же щас зашиб бы... Капееец.

Он подскочил к ящику, остановил его качание свободной рукой и, придерживая, аккуратно опустил на пол — кран-балка отзывалась послушными щелчками моторов на нажатие кнопок. Ящик был забит тоненькой плиткой.

— А ну, выходите сюда, — он снял камуфляжную кепку и нарочито промокнул ею лоб, — у меня вся жизнь перед глазами промелькнула! А у вас нет?

— Мы магазин ищем, — сказал Рашид, — там жевачку продают.

— Пепармонтика, — промямлил Андрей.

— Ну да, смерть-то вам не знакома ещё, — усмехнулся камуфляжный, — даром что могильщики вон рядом.

Он кивнул в сторону, откуда они только что пришли.

— Он, наверно, тоже глухой... — вздохнул Рашид.

— Чегооо? Сам ты глухой! — возмутился парень. — Ну-ка, на выход шагом марш!

Друзья понуро развернулись в направлении большого станка. От которого пришли.

— Куда прётесь? Выход здесь!

И действительно, в противоположной стене светился прямоугольник обычного дверного проёма.

Он пошёл их проводить до двери.

— Как зовут-то вас, чудики?

— Андрей, — понуро сказал Андрей.

— О, тёзка, а ты?

— Рашид.

— Тоже неплохо... Слушайте меня внимательно: нет здесь магазина со жвачкой.

Когда дошли до двери, он сказал:

— Стойте, не шевелитесь, я сейчас вам кое-что принесу. Только замрите, не шастайте больше тут. Я быстро!

И камуфляжный спешно дошёл до ближайшего самого маленького станка с единственной пилкой на ручке, собрал там что-то и вернулся.

— Надо? — он залез в накладные карманы пятнистой спецовки и wygrеб полные пригоршни гладких мокрых кубиков — чёрных, серых в крапинку, белых в синих разводах. Розовых и даже красных.

Конечно, им этого было надо.

— Вот, чёрных мало, это тебе, это тебе, красных тоже... — Он присел на корточки и поровну раздал особенные кубики. — А такого добра полно. — Белые и розовые он сыпал горстями.

Холодные, тяжёлые, гладкие, в цветных прожилках... Друзья разглядывали кубики в своих руках. Кубики блестели им в ответ на близком свете из двери.

— Нравятся? Мне тоже. Обрези-то у нас много, ну и напиллил... Я вот вижу, красивые. Ну, красивые! А что с ними делать, не знаю... Я это потерял... А вы знаете.

И заулыбался. И смотрел большими зелёными глазами под богатыми, как у девушки, ресницами.

— Всегда, получая, что-то теряешь, но и, теряя, обретаешь. Не страшно потерять, страшнее получать. Это боль роста.

Друзья подождали, может, он ещё чего скажет, но нет, парень поднялся с корточек, медленно распрямился и будто стал ещё выше прежнего, ещё шире в плечах. Не переставая улыбаться.

— Спасибо, — сказал Андрей, задрал голову.

— Спасибо, — повторил за ним Рашид.

Обратно к путеводным трубам они шли с оттопыренными карманами, Андрей периодически подтягивал штаны, которые сползали под весом кубиков.

— Давай понесу, — указал он на сумку.

— А, что? — Рашид выглядел несвойственно задумчивым.

— Да ты тоже оглох? Сумку давай понесу.

— Ага...

Оба они были немного контужены, перенасыщены впечатлениями. Андрею жутко хотелось заесть приключение бутербродом с салом, запить сладким чаем. Пепармонтика и так была уже повсюду. За каждым поворотом.

Но Рашид был неумолим.

— Нет, сначала магазин.

Они даже не стали залазить на трубы, а пошли по обочине дороги — так быстрее. Фиолетовая полоса впереди над ведрами стала толще, местами кто-то провёл по ней кистью вниз к земле, оставив размытые мазки. Словно большая призрачная расчёска, растянувшаяся на полмира, неспешно чесала горизонт.

Вторая буква «П» не заставила себя долго ждать. Но знака пешеходного перехода снова не было.

— Что же это такое, — метался по перекрёстку Рашид, казалось, он сейчас заплачет.

— Поворачиваем? — осторожно спросил Андрей.

— Поворачиваем! — твёрдо ответил Рашид.

Опять земляная дорога, но более ровная и сухая, пыльная даже, здесь не ходили тяжёлые грузовики. Рашид отчаянно всматривался в далёкие строения.

— Хоть бы магазин был там.

Навстречу шла фигурка, фигурка выросла и оказалась дородной тётенькой в косынке и с большими матерчатыми сумками в обеих руках. Когда они поравнялись, тётенька сказала:

— Ребята, вы за резинкой? Резинки нету больше. Всю распродали.

Ребята встали как вкопанные. Можно ли в такое поверить.

Тётенька выглядела доброй и говорила добро, но слышалась Андрею и какая-то ехидца в голосе. Тётенька постояла, видя, что друзья не возвращаются, но и не идут дальше, кивнула и пошла своей дорогой. Резинка... ещё ведь и слово какое противное нашла...

А сам вдруг почувствовал странное облегчение.

Но не Рашид, — тот сверлил ненавидящим взглядом тёткину спину.

— А в сумках? В сумках что тащит?

— Сумки-то огого, — подтвердил Андрей.

— Нашу жевачку. Последнюю. Всю утащила, — процедил Рашид сквозь зубы.

Никогда Андрей его не видел таким, лицо Рашида превратилось в треугольник, бездушную геометрическую фигуру, глаза почернели, только глупый ёжик на голове напоминал, что это всё ещё Рашид.

Внезапно — весь напряжённый, со сжатыми кулачками, — он метнулся вдогонку за тёткой. Андрей обомлел и потрусил следом, позвякивая термосом в авоське, — он не понимал, что сейчас произойдёт.

Тётя, слышав топот, обернулась, Рашид встал перед ней, тяжело сопя.

— Мальчик, тебе чего?

— Тётя, продайте нам жвачку. Нам очень надо, — наконец, сказал он.

— Ну всем надо, мальчик, всем всегда чего-нибудь надо... — вроде грустно и по-доброму сказала тётя, но опять в голосе слышалась едва уловимая ехидца. — Сходи в другой магазин, мальчик, и купи другую резинку, а этой больше нету.

Тётя повернулась идти, но Рашид забежал вперёд, перекрывая путь.

— Продайте, вот же у вас коробки в сумках. — Бока матерчатых сумок и правда предательски обрисовывали углы и рёбра каких-то упаковок.

Тётя опешила от такой наглости, даже ехидца пропала.

— Да это совершенно другие коробки! Нету у меня вашей резинки! Мальчик, дай пройти!

И она пошла.

— Пожалуйста! Вот же... — Рашид потянулся к ближайшей сумке.

— Ты совсем офонарел! — шарахнулась тётя и ускорила шаг. И, уже уходя, через плечо: — Где вас таких воспитывают!

Да, они дошли, нашли этот красный кирпичный магазин с синей вывеской «магазин». И продавец подтвердила, что была жвачка, была и нету, и будет ли ещё, неизвестно, потому что до этого и не было никогда...

А потом сели на свою трубу, развернули бутерброды с салом, а ещё были маленькие помидорки и варёные яйца. От запаха сала кружилась голова. Андрей вынул жвачку изо рта, достал фантик из нагрудного кармана, аккуратно её завернул и положил в карман. И, наконец, впился зубами в хрустящее звонкое сало, впился в сочную помидорку, заполняя соком рот — пепармонтика продолжала быть здесь.

Рашид тем временем понуро ронял скорлупки от яйца на землю.

— Слушай, а твой папа порадует, если я всё съем вместо тебя? — Андрей сопел и жмурился, набивая рот.

— Я не знаю...

— Тогда ешь.

— А может, это не тот магазин? — встрепнулся Рашид. — Ну не было же знака?

— Знака не было. Совсем. Нигде. — Вторая помидорка лопнула во рту.

— Может, мы не дошли просто?

Андрей перестал жевать. Вдохнул глубоко.

— Знаешь... А я переезжаю. Мама нашла дом и забирает меня. Это на другом конце города. Я в другую школу буду ходить...

Рашид долго молча жевал яйцо, потом налил дымящегося чаю из термоса, стал на него дуть.

— Когда переезжаешь? — наконец, спросил он.

— Ну, мама говорит, как обустроится. Там огород и два кота. К осени, говорит, точно, но, может, раньше.

— Понятно...

И тут снова должно было последовать гнетущее молчание, но случился раскат грома. А следом порыв ветра, смахнувший кружку с чаем с трубы. Рашид охнул и прыгнул за кружкой. И Андрей был благодарен этому грому.

Он повернулся на звук и... «Пепармонтика», — прошептал одними губами. Это было и ругательством, и восхищением, и страхом.

Вёдра сделали своё дело — над ними разворачивалась гроза, мясистые бока туч простреливали молнии. Свет мерк, а ветер становился сильнее, нёс холодную восточку от приближающейся стихии.

Словно мир, так щедро развернувшийся перед двумя путешественниками, рассыпавшийся драгоценностями чудес, решил снова схлопнуться. И, съёживаясь, невольно пригонял со своих краёв воздушные потоки, которым стало тесно.

— О-о... Давай-ка домой!

Обратный путь всегда короче, даже если ноги устали. Словно рассказчик опускает подробности, — ну не повторять же всё в обратной последовательности? Нет, конечно. А тут они ещё и бежали. Ещё и ветер толкал их в спину, время от времени бросая песок с обочины за шиворот.

В Рашида вернулась жизнь. Он бежал с завидной прытью, бряцая кубиками в карманах, потом оборачивался, дожидаясь друга.

— Скорей, оно догоняет!

Чернильный монстр шёл на них рыхлой волной, над первой волной ещё одна, рвущаяся одновременно и к ним, и вверх, к самому зениту. А между — словно между створками раковины моллюска — полыхали молнии. Андрей остановился и обернулся, инстинктивно открывая рот при каждом раскате.

Моллюск проглотил горы, проглотил вёдра ТЭЦ. Андрей видел отчётливо границу сжимающегося горизонта. Видел, как исчезли мост через речку и каркас недостроенного здания, до которых они не дошли, как исчезла дальняя буква «П», возле которой они обедали.

— Эй, — дёрнул его за рукав Рашид.

И они снова побежали, встречные кусты и деревья низко кланялись, указывая единственно верное направление — сюда, сюда. Впереди стояла одинокая автобусная остановка — ярко-синяя, с намалёванным красным солнцем на боку. Сюда — кричало солнце. И только они нырнули под бетонную крышу, как свет померк абсолютно, и косые струи поглотили мир, словно дверь из рифлёного стекла задвинулась за ними, едва не отхватив пятки, молниеносно задвинулась от одной бетонной стены до другой.

Вода поползла к ногам. Друзья попятились и плюхнулись на красную скамейку. Вода продолжала ползти — они подтянули ноги на скамейку. А потом как забарабанило повсюду, и внутрь влетел рой ледяных осколков. Градины прыгали, как кузнечики, разбивались на искры. Чудище бесилось, грохотало, неспособное выцарапать из бетона упущенную добычу, отыгрывалось на деревьях, исхлестывая их многохвостой плетью с узелками, — только ветки отлетали, деревья и кусты на противоположной стороне дороги таяли на глазах, превращались в обгрызенные веники.

— Брррр! Еле спаслись, — сказал Андрей, — это метеоритный дождь какой-то. Спасибо этой станции.

Они сидели с приоткрытыми ртами, словно в кинотеатре. Молочно-белые виноградины катились, плыли, сбивались в большие кучи — от них тянуло зимой, резко похолодало.

— Ну и денёк. Но теперь мы выживем... если не утонем, — сказал Рашид, — и у нас есть еда.

Его рука залезла в авоську, сам он неотрывно смотрел на стихию, а рука доставала и раскладывала на скамейке оставшиеся припасы.

— Что-то и чая захотелось... горячего.

— Ваше.

Они передавали друг другу горячую железную кружку, по очереди тянули губами кипяток и замороженно глазели...

Сидели на маленькой синей космической станции с красным солнцем на боку, упорно не желающей растворяться в бешеных вихрях перевозданного хаоса.

И это было их последнее лето. В бесконечной череде потерь и обретений.

МОСКВЫ НЕТ

правдивая повесть полная грустного волшебства

1. Настоящая кабарга

Даша сошла с ума. Да, так она и прочитала — в киоске «Союзпечать» были выставлены газеты с программой на новую неделю. На первой полосе жирный заголовок, буквы перекошенные — экзотический шрифт с левым наклоном. Десять газет за стеклом выставлено, 10 заголовков кричащих о её сумасшествии.

«Знак» — подумала Даша.

Она и правда свихнулась, и мир преобразился. Но при этом остался при ней кто-то здравый, ухмыляющийся, констатирующий. Он вздыхал в лицо преображенному миру — мдааа...

Мда, в этот день Даша безнадежно поломалась. Вот если встретить её, сразу видно — поломалась. И дальнейшее её дление просто бюрократическая проволочка.

А утро, как говорится, не предвещало ничего неожиданного и predetermined. Даша проснулась в своей постели под толстым одеялом, проснулась с наушниками в ушах. На груди, поверх одеяла лежало радио, в ушах играло радио, волна: «Наше радио».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.